

Надзор за мигрантами, строителями и больными COVID-19: новые технологии на страже «опасных классов»

Ксения Григорьева

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Адрес: ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, г. Москва, Российская Федерация 117218

E-mail: kseniagroryeva@yandex.ru

Исследованиям надзора уже более семи десятилетий, но в России эта область пока не привлекает внимания научного сообщества. При этом надзорные технологии в стране быстро развиваются, оказывая значимое воздействие на социальные процессы и отношения. Данная статья стремится внести вклад в российский академический курс о надзоре. Она посвящена конкретной надзорной технологии, которая, будучи первоначально нацелена на коммерческую сферу, переместилась в область частно-государственного партнерства и быстро эволюционировала за пределы того, для чего создавалась. В качестве основного теоретического подхода для анализа эмпирического материала выбрана концепция социальной сортировки, предложенная Дэвидом Лионом. Также использована концепция прекариата Гая Стэндинга и актуарного правосудия Малкольма Фили и Джонатана Саймона. Делается вывод о том, что исследованная технология надзора ориентирована на предотвращение рискованных ситуаций, которые могут произойти в будущем (нарушения трудовой дисциплины, распространение коронавирусной инфекции, несоблюдение российского законодательства и игнорирование конституционно значимых ценностей). Надзорный таргетинг обусловлен представлениями о повышенной опасности, исходящей от ряда категорий населения в контексте данных ситуаций, и может быть объяснен при помощи обращения к концепции «опасных классов». В отличие от результатов, полученных в ряде других работ, данное исследование показывает, что рассмотренная надзорная технология не приводит к полному исключению таргетированных категорий населения из социального пространства, выполняя традиционную функцию дисциплинирования поднадзорных и максимизации прибыли.

Ключевые слова: надзорные технологии, социальная сортировка, опасные классы, мигранты, строители, больные COVID-19

Введение: исследования надзора

История исследований надзора насчитывает уже около семидесяти лет. Первоначально в фокусе внимания ученых находились угрозы конфиденциальности, которые несли в себе новые технологии наблюдения. В частности, одна из наиболее ранних работ, принадлежавшая Алану Ф. Уэстину, была посвящена массовому прослушиванию телефонов (Westin, 1952). Это направление исследований стимулировалось ростом общественного беспокойства по поводу вторжения в частную жизнь, наблюдавшимся в 1960–1970-е годы на Западе (Westin, 2003). Доминирова-

ние проблем защиты конфиденциальности сохранялось, по крайней мере, до конца 1990-х годов.

1980-е годы стали началом исследовательского бума в области изучения надзора. Именно в этот период число соответствующих публикаций начало быстро расти. В это же время впервые появились работы, где современное общество характеризовалось как «общество наблюдения» (Marx, 1985; Gandy, 1987; Flaherty, 1988). Авторы указанных работ подчеркивали, что «информационные технологии стремительно опережают регулирование и контроль [над сбором персональных данных]» (Flaherty, 1988: 378), превращают «каждого, а не только нескольких подозреваемых, в мишень для слежки» (Marx, 1985: 26), указывали на «растущее неравенство между теми, кто предоставляет, и теми, кто собирает личную информацию» (Gandy, 1987: 62). Впоследствии интерес к проблематике надзора лишь продолжал увеличиваться. Согласно данным Гэри Т. Маркса и Гленна У. Мушерта, в 2000-е годы число релевантных статей по сравнению с 1980-ми годами выросло более чем в 3 раза в области социологии, более чем в 8 раз в сфере изучения масс-медиа и более чем в 20 раз в области юриспруденции (Marx, Muschert, 2007).

Превращение надзора из периферийной в одну из центральных исследовательских тем сопровождалось институционализацией соответствующего научного направления. В 1990–2000-х годах было создано множество тематических исследовательских центров, несколько академических сетей (см., например: Surveillance Studies Network, SSN; Surveillance Studies Centre, SSC) и профильных журналов (наиболее известен международный журнал «Surveillance & Society»). В 2015 году SSN и SurveillanceStudies.org опубликовали карту проектов, посвященных наблюдению, наглядно продемонстрировавшую, что они реализуются в самых разных регионах мира от США, Канады и Европы до Мексики, Бразилии, ЮАР и Нигерии (SSN and SurveillanceStudies.org, 2015). В настоящее время исследования надзора — отдельная, динамично развивающаяся междисциплинарная область знания, вклад в которую вносят социология, политология, история, философия, география и другие дисциплины (Lyon, 2002).

Вплоть до начала 2000-х годов доминирующее представление о надзоре состояло в том, что он, как правило, осуществляется сверху вниз, государственными и коммерческими организациями над отдельными людьми, социальными группами или населением в целом (Rule et al., 1983; Giddens, 1990). Однако уже в 2000 году этот консенсус был разрушен Кевином Д. Хаггерти и Ричардом В. Эриксоном, заявившими, что в современный период происходит выравнивание иерархии наблюдения, а само оно может осуществляться не только в политических или экономических целях, но и для получения личной выгоды или даже развлечения (Haggerty, Ericson, 2000). Девять лет спустя Дэвид Лион назвал надзор рутинной повседневной практикой, включив в это понятие самую разнообразную деятельность, начиная от присмотра родителей за детьми и заканчивая наблюдением полиции за городскими районами (Lyon, 2009). В 2015 году Маркс охарактеризовал надзор как «общий процесс, присущий живым системам с информационными

границами, а не что-то ограниченное правительствами, шпионажем или секретностью» (Marx, 2015: 734), призвав не сводить всю проблематику, связанную с наблюдением, к оруэлловским перспективам. Сегодня тезис о том, что надзор не следует считать однозначно негативным явлением, что в определенных контекстах он может служить проявлением заботы и осуществляться в интересах тех, за кем ведется наблюдение, разделяется подавляющим большинством исследователей. Впрочем, есть и альтернативные точки зрения, согласно которым надзор всегда подразумевает господство, насилие и принуждение (см., например: Fuchs, 2011).

Теоретическое осмысление надзора находится под сильным влиянием работ Мишеля Фуко и предложенной им метафоры паноптика¹, несмотря на то что в последнее время она все чаще подвергается критике (см., к примеру: Mathiesen, 1997; Haggerty, 2006; Dupont, 2008; Bigo, 2009; Wood, 2012). Наиболее влиятельные альтернативные теоретические подходы — это концепции «наблюдательной сборки» К. Д. Хаггерти и Р. В. Эриксона и «социальной сортировки» Д. Лиона. Первая опирается на работы Жюль Делеза и Феликса Гваттари, переосмысливая введенное ими понятие ассамбляжа (сборки) применительно к проблематике надзора. Авторы подчеркивают калейдоскопичность современных надзорных практик и технологий, совокупность которых и образует наблюдательную сборку. При этом основным императивом наблюдения, по мнению Хаггерти и Эриксона, является не дисциплинирование поднадзорных, как предполагает теория М. Фуко, а извлечение коммерческой выгоды и управление потребительским поведением (Haggerty, Ericson, 2000).

Концепция Лиона заостряет внимание на том, что наблюдение, как правило, ведется не за обществом в целом, а за отдельными людьми и группами, представляющими интерес для надзорных организаций. Процесс надзорного таргетинга таких людей и групп Лион называет социальной сортировкой, подчеркивая, что в современных условиях она превращается в рутину, приобретая автоматизированный и систематический характер. Социальная сортировка не всегда имеет негативные последствия для поднадзорных. К примеру, наиболее привлекательные для коммерческих компаний потребители могут получать особые предложения на выгодных условиях, недоступных для всех остальных. Однако наряду с этим социальная сортировка приводит к тому, что некоторые граждане сталкиваются с нежелательным пристальным вниманием надзорных органов вследствие при-

1. Паноптикон — это проект идеальной тюрьмы, разработанный Иеремией Бенхамом в конце XVIII столетия. Данный проект предполагал создание кольцеобразного тюремного здания, в центре которого должна была располагаться смотровая башня. Из нее надсмотрщик мог видеть все камеры. Заключенные, напротив, не видели ни надзирателя, ни друг друга. При этом они постоянно осознавали свою видимость, что, согласно гипотезе Бенхама, должно было дисциплинировать их поведение. Захваченный этим проектом Фуко разработал концепцию «паноптизма», которая описывала новый механизм надзора, по мнению философа, лежащий в основе дисциплинарного общества. Власть в таком обществе была обезличенной и автоматизированной, избавленной от необходимости прибегать к насильственным мерам благодаря опоре на вымышленные отношения, в которых поднадзорные дисциплинировали сами себя (Фуко, 1999).

надлежности к той или иной категории, выделяемой на основании социального положения, этнической принадлежности, пола или других надындивидуальных характеристик. В конечном итоге, как утверждает Лион, главная проблема социальной сортировки заключается в том, что она позволяет организациям непрозрачным образом выносить вердикты, имеющие непосредственное влияние на жизненные шансы людей, зачастую провоцируя углубление неравенства и появление новых форм социального исключения (Lyон, 2009).

В России исследования надзора проводятся крайне редко. Их результаты можно обнаружить в нескольких разрозненных публикациях, посвященных наблюдению в школе (Волкова, 2019), на работе (Королев, 2011; Иншаков, 2020) и в обществе в целом (Дудина, 2018). При этом три из четырех упомянутых исследований выполнены с опорой на фукодианскую модель. Данная статья нацелена на то, чтобы внести вклад в зарождающийся российский научный дискурс о надзоре, используя в качестве основного теоретического подхода концепцию социальной сортировки, предложенную Лионом.

Эмпирическая база и методология исследования

Исследование, результаты которого представлены ниже, носит характер кейс-стади. Оно посвящено появлению и развитию конкретной надзорной технологии, первоначально предназначенной для наблюдения за московскими строителями, но затем примененной для контроля над жителями Москвы, инфицированными COVID-19. В перспективе данная технология должна быть распространена и на некоторые категории иностранных граждан.

Эмпирическую базу исследования составили: описания самой надзорной технологии на сайте компании-разработчика Gaskar Group; официальные документы, касающиеся (планов) применения данной технологии, а также некоторых смежных надзорных практик (указ мэра Москвы от 21 мая 2020 года № 59-УМ; инструкция по установке и использованию мобильного приложения «Социальный мониторинг», размещенная на официальном сайте столичной мэрии; законопроект «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»; приказ Министерства внутренних дел № 805 от 2 ноября 2021 года); отзывы сотрудников о ГК «ПИК» и концерне «Крост» — компаниях-подрядчиках строительства объектов по столичной программе реновации, где применялась исследуемая надзорная технология (270 отзывов на портале pravda-sotrudnikov.ru); отзывы пользователей о мобильном приложении «Социальный мониторинг», отражающие реакцию поднадзорных на исследуемую технологию (1046 отзывов, оставленных на странице приложения в Play Market).

Основной теоретической рамкой для анализа эмпирических данных послужила концепция социальной сортировки Лиона. Кроме того, была использована

концепция прекариата, разработанная Гаем Стэндингом, и концепция актуарного правосудия, предложенная Малкольмом Фили и Джонатаном Саймоном.

Представление материала структурировано следующим образом: в первых трех разделах анализируется возникновение и развитие исследуемой надзорной технологии; в четвертом разделе исследуется реакция москвичей, инфицированных COVID-19, на установленный за ними надзор; в пятом разделе рассматриваются текущие планы по применению исследуемой надзорной технологии к иностранным гражданам; в шестом разделе предпринимается попытка ответить на вопрос о том, почему были таргетированы именно строители, мигранты и больные COVID-19; в седьмом разделе излагаются основные выводы.

Готовящиеся изменения миграционного законодательства и новые надзорные технологии

В конце мая 2020 года стало известно, что в Министерстве внутренних дел обсуждается возможность создания цифрового профиля мигранта и специального приложения, которое иностранные граждане должны будут устанавливать на свои смартфоны. Предполагалось, что в профиле «будет содержаться вся информация о социально-правовом статусе мигранта, биометрические данные, сведения о здоровье, криминальное прошлое или его отсутствие» (РИА «Новости», 2020). Впоследствии появилась более детальная информация о готовящихся изменениях миграционного законодательства, в центре которых оказался цифровой надзор за иностранцами. Так, 8 июля 2021 года на федеральном портале проектов нормативных правовых актов был размещен законопроект «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»². Он предусматривает создание электронных реестров иностранных работников и их работодателей; разработку специального мобильного приложения для мигрантов; выдачу иностранцам удостоверяющего личность документа с электронным носителем информации, который должен «обеспечивать идентификацию и верификацию иностранного гражданина в режиме реального времени» (Проект., 2021: 26); возможность включения иностранцев в контрольный список, в том числе «на основании сведений, содержащихся в государственной информационной системе, без принятия отдельного решения» (Там же: 35); введение режима «контролируемого пребывания», предполагающего обязанность иностранца, помещенного в данный режим, по требованию являться в территориальный орган МВД, а при обоснованной невозможности личной явки «уведомлять его о своем местонахождении, в том числе путем направления в электронном виде информации с фотографическим изображением с отметкой о геолокации» (Там же: 120).

2. Законопроект разработан в соответствии с перечнем поручений Президента РФ по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы от 6 марта 2020 года.

Несмотря на то что указанный законопроект еще не принят, некоторые предусмотренные в нем меры уже начали осуществляться. В частности, 2 ноября 2021 года был опубликован приказ № 805 Министерства внутренних дел, утвердивший новую форму патента для иностранных работников в виде карты с электронным носителем информации. Последний представляет собой микросхему с бесконтактным интерфейсом, содержащим персональную информацию иностранца, включая такие биометрические данные, как электронное изображение лица и папиллярных узоров двух пальцев рук, пригодных для идентификации владельца карты (Приказ., 2021: 8). Кроме того, официально сообщается, что уже создан прототип приложения для мигрантов и его запуск ожидается в ближайшее время (Каледина, 2021). Любопытно при этом, что хотя само приложение еще недоступно, описанные подходы к осуществлению посредством него надзора имеют выраженное сходство с приложением «Социальный мониторинг», призванным следить за больными COVID-19. Еще более любопытно, что данное приложение, разработанное компанией «Гаскар Интеграция» по заказу департамента информационных технологий города Москвы, было создано на базе другого отслеживающего приложения, используемого с целью надзора за работниками, занятыми на московских стройках (подавляющее большинство которых, вероятно, являются внутренними и внешними мигрантами, что возвращает нас к контролю над «приезжими»).

Как будет показано в данной статье, эти взаимосвязи не случайны и отражают переплетение надзорных технологий, рождающихся в результате частно-государственного партнерства в области слежки, а также процесса социальной сортировки.

Программа для надзора за строителями в Москве от Gaskar Group

На сайте Gaskar Group — организации, позиционирующей себя в качестве системного интегратора и разработчика ИТ-решений в области строительства, частью которой является создатель «Социального мониторинга» ООО «Гаскар Интеграция» — в разделе «полезные статьи» представлено несколько рекламных текстов, описывающих надзорные технологии, предлагаемые потенциальным клиентам. Центральное место среди них занимает система контроля персонала Exon Smart Watch, позволяющая вывести на один экран самые разнообразные индикаторы: от мониторинга мобильных сотрудников до учетных показателей начала и конца рабочей смены. Система получает данные от смарт-часов на руке отслеживаемого работника, позиционируемых как «единственное решение с биометрической идентификацией на рынке GPS-мониторинга сотрудников» (Gaskar Group, 2022a). Технология Face ID (система распознавания лиц, установленная на смарт-часах), как подчеркивает разработчик, «лишает [работника] возможности обмана о личном присутствии» (Там же).

Надзор за сотрудниками, работающими в условиях повышенной опасности, в тех случаях, когда он направлен на предотвращение производственного травма-

тизма, профилактику профессиональных заболеваний или решение других проблем, связанных с вопросами охраны труда, как правило, служит проявлением заботы работодателя о благополучии персонала и осуществляется в интересах самих поднадзорных³. Exon Smart Watch могла бы пополнить список таких технологий, если бы ее приоритетом являлась безопасность строителей. Однако презентации, размещенные на сайте Gaskar Group, заставляют в этом усомниться. Так, рекламный текст «Искусство контроля персонала», представляющий Exon Smart Watch, полностью игнорирует данный вопрос. Среди задач, которые призван решить GPS-трекинг работников, разработчик перечисляет контроль «за посещаемостью» сотрудников; точный учет рабочего времени, позволяющий осуществлять «расчет зарплаты только за отработанные часы»; отслеживание местонахождения работников и при необходимости их перераспределение по объекту; укрепление трудовой дисциплины. Преимущества, которые, по утверждению Gaskar Group, получит работодатель, используя технологию Exon Smart Watch, заключаются в создании отлаженной организации и повышении конкурентоспособности на рынке. В то же время лояльность работников к работодателю должна повыситься «благодаря прозрачной системе учета часов и выплат» и осознанию того, что «их результаты зависят только от них самих» (Gaskar Group, 2022a). Таким образом, рассматриваемая технология нацелена в первую очередь на мониторинг производительности и недопущение злоупотреблений со стороны персонала.

Предотвращение травматизма на строительных объектах упоминается в описаниях Exon Smart Watch лишь однажды в рекламном тексте «Контроль работников на строительной площадке». Однако и здесь данная функция наблюдения стоит на последнем месте по значимости, приоритет же вновь отдается пресечению неявок на работу, опозданий, излишне частых перекуров, занятий личными делами на рабочем месте, подделок документации об отработанном времени и других нарушений рабочей дисциплины. Обращает на себя внимание авансированное недоверие разработчика по отношению к описываемым в тексте гипотетическим работникам, убежденность, что при отсутствии постоянного контроля их поведение всегда будет движимо оппортунизмом и желанием ускользнуть от исполнения трудовых обязанностей (Gaskar Group, 2022б).

Первоначально Exon Smart Watch предназначалась для использования в коммерческом секторе, однако в 2019 году ООО «Гаскар Интеграция» получила от ГКУ «Информационный город», принадлежащего департаменту информационных технологий города Москвы, подряд на выполнение работ по автоматизации процессов программы реновации, став официальным поставщиком системы надзора за персоналом, занятым на соответствующих строительных объектах (Юшков, Бело-

3. В качестве примера подобной технологии можно назвать, в частности, Safety Surveillance Camera Installation in 4D Environment (SCI4D) (см.: Tran et al., 2022). Впрочем, как справедливо указывают исследователи подобных технологий, их эффективность тесно связана с их одобрением работниками, что предполагает выстраивание успешного переговорного процесса между ними и работодателем (см., например: Holland, 2003).

водьев, 2020). А уже 30 августа 2021 года в СМИ появились сообщения о переводе всех московских строек, заказчиком которых выступает департамент строительства города Москвы и его подведомственные организации, на систему Ecom с 2022 года (АНСБ, 2021). Таким образом, описанная технология из коммерческой сферы переместилась в область частно-государственного партнерства. Некоторое время спустя за этим перемещением последовало ее распространение на новую категорию населения.

Экспансия надзорной технологии: «Социальный мониторинг»

Приложение «Социальный мониторинг» было запущено в Москве в марте 2020 года, однако почти сразу удалено по причине обнаруженных системных уязвимостей и перезапущено в апреле после их устранения. В инструкции, размещенной на сайте столичной мэрии, сообщалось, что указанное мобильное приложение «помогает городу обеспечить соблюдение самоизоляции». «У многих пациентов с диагнозом „коронавирусная инфекция“, — поясняли столичные власти, — болезнь протекает в легкой форме, им не обязательно ложиться в больницу. Но эти люди должны оставаться дома, чтобы не распространять вирус дальше. Поэтому в Москве организовали автоматический контроль за соблюдением самоизоляции. Приложение „Социальный мониторинг“ фиксирует местоположение телефона и несколько раз в день присылает запрос сделать фото, чтобы проверить, что пользователь рядом с телефоном. Такой контроль дает уверенность москвичам, что пациенты с коронавирусом остаются дома и не подвергают риску остальных» (mos.ru). В случае, если поднадзорный своевременно не отправит фото, ему автоматически начисляется штраф в размере 4 тыс. рублей. К 22 июля 2020 года было выписано уже около 94 тыс. таких штрафов, общая сумма которых составила примерно 376 млн рублей. На ту же дату в московские суды поступило 425 жалоб от оштрафованных, и около 9 тыс. жалоб было подано во внесудебном порядке, из них 2,5 тыс. было удовлетворено Главным контрольным управлением города Москвы (ТАСС, 2020).

Разработчиком «Социального мониторинга» выступила компания ООО «Гаскар Интеграция». Как стало известно впоследствии приложение было разработано на базе программы надзора за работниками, занятыми на московских стройках по программе реновации (Юшков, Беловодьев, 2020). Таким образом, технология надзора за строителями, перемещенная из корпоративной области в сферу частно-государственного партнерства, была применена для контроля над жителями Москвы, заразившимися COVID-19.

Необходимость контроля над соблюдением режима самоизоляции в период пандемии не вызывает сомнений, и заказ московских властей на разработку приложения «Социальный мониторинг» можно было бы расценивать как стремление к эффективному управлению и заботу об общих интересах, если бы не несколько обстоятельств. Во-первых, существующая возможность отслеживания нарушите-

лей самоизоляции при помощи системы городского видеонаблюдения, активно используемая Объединением административно-технологических инспекций Москвы⁴, делает надзор, осуществляемый «Социальным мониторингом», избыточным. Во-вторых, сохранение требования об установке приложения после снятия наиболее жестких ограничений, непоследовательное поведение столичных властей во время выборов и других важных политических мероприятий, когда борьба с пандемией отступала на второй план, периодические рекомендации горожанам с признаками ОРВИ и ОРЗ самостоятельно обращаться в поликлиники, указывает на инструментальный подход к применению мер по нераспространению коронавирусной инфекции, по крайней мере в период, последовавший за отменой локдауна. Наконец, эффективность приложения в отношении предотвращения нарушений режима самоизоляции нельзя объективно оценить, а его дизайн оставляет открытые возможности для обхода всех установленных ограничений⁵. Единственный результат работы «Социального мониторинга», который может быть точно измерен, фактически лежит в экономической плоскости, исчисляясь количеством выписанных штрафов и средств, поступивших в городской бюджет. Это не означает, что приложение было изначально нацелено на пополнение столичной казны⁶, однако может указывать на постепенное вытеснение заявленных целей конъюнктурными, что вполне укладывается в более широкий контекст эволюции антипандемийных мероприятий после отмены локдауна.

Реакция больных COVID-19 на установленный за ними надзор

Выход надзорной технологии за пределы трудовых отношений и применение ее к новой социальной категории сопровождался возникновением ранее отсутствовавшего открытого сопротивления со стороны поднадзорных. Судебное и внесудебное оспаривание штрафных санкций, многочисленные выступления в прессе, обращения к властям с призывом к отмене требования об установке «Социального мониторинга» — это далеко не полный перечень контрстратегий тех, кто оказался на самоизоляции под наблюдением. Хотя ни разработчик приложения, ни столичная мэрия, по-видимому, не ожидали такого резонанса, возникновение подобной реакции вполне объяснимо: если надзор на рабочем месте фактически представляет собой элемент добровольно заключаемого контракта между работником и работодателем, то наблюдение за больными COVID-19 имеет менее нормализованный и более принудительный характер, что стимулирует протестную активность. Кроме того, больные COVID-19, в отличие от строителей, представляют собой разнородную категорию, объединяющую людей с самым разным соци-

4. Стоит отметить, что дизайн данной надзорной технологии выглядит более рациональным по сравнению с «Социальным мониторингом», поскольку она нацелена на нарушителей самоизоляции, а не на всех инфицированных COVID-19.

5. Приложение перестает присылать уведомления после 22.00 и во время «тихого часа», который пользователь может устанавливать самостоятельно в течение дня.

6. В действительности, подобное предположение вряд ли справедливо.

альным статусом. В нее попадают и те, кто обладает большими ресурсами для открытого сопротивления надзору по сравнению с работниками московских строек.

Хорошей эмпирической базой для исследования реакций жителей Москвы на отслеживающее приложение являются оценки и текстовые отзывы, оставленные пользователями «Социального мониторинга». Рейтинг приложения, рассчитанный на основании более 13 тыс. оценок, составляет 1,3 из возможных 5 звезд. Иными словами, подавляющее большинство пользователей присвоили ему минимально возможную 1 звезду. Что касается отзывов, то на 14 января 2022 года пользователями «Социального мониторинга» было оставлено 1046 текстовых сообщений. Следует отметить, что распределение оценок (звезд), выставленных авторами этих отзывов, не соответствует общему рейтингу приложения. Наиболее популярная среди всех пользователей, оценивших приложение, 1 звезда в текстовых сообщениях встречается лишь в 36 случаях, т. е. в 3,4% всех комментариев. При этом 5 звезд выставлено в 303 случаях, или в 28,9% всех сообщений⁷. Столь существенные различия между текстовыми и нетекстовыми отзывами позволяют предположить, что разработчик удалил часть негативных комментариев⁸ и/или добавил фиктивные положительные отзывы⁹. Возможно также, что пользователи, оставляющие текстовые сообщения, склонны более лояльно оценивать приложение, поскольку значительная часть этих сообщений нацелена на диалог с разработчиком и содержит просьбы ответить на конкретные вопросы по работе программы или усовершенствовать ее функционал¹⁰.

Самыми частыми темами в текстовых отзывах являются разнообразные сбои в работе приложения («зависание» процесса регистрации новых пользователей продолжительностью от нескольких часов до нескольких дней и даже недель; проблемы при отправке фотографий; некорректное определение геолокации; слишком большое количество уведомлений о необходимости сделать селфи или, наоборот, их полное отсутствие; несвоевременное поступление информации об окончании самоизоляции в систему и т. д.); технические недоработки (тихие и однократные уведомления; старт мониторинга в 9.00, когда многие больные еще спят, и окончание в 22.00, когда некоторые больные уже спят; отсутствие оповещений об успешной отправке фото и о возможности удалить приложение по окончании самоизоляции; игнорирование особых проблем, которые вызывает взаимодействие с приложением у пенсионеров, матерей с маленькими детьми, людей, не обладаю-

7. 30 отзывов с оценкой 5 звезд не валидны: они содержат либо жалобы на приложение, либо не прикрытый сарказм в отношении него. Однако даже после их исключения доля текстовых отзывов с наивысшей оценкой остается несопоставимо высокой — 26%.

8. Хотя формально разработчикам не разрешено самостоятельно удалять отзывы, Google позволяет подавать запросы на удаление некорректных отзывов (в частности, оскорбительных или агрессивных). Стоит добавить, что в одном из комментариев пользователь жалуется на удаление своего предыдущего негативного сообщения.

9. Это предположение в особенности касается бессодержательных положительных отзывов, вроде поднятого вверх большого пальца, односложных комментариев вроде «отлично!», «класс!», «супер!» и т. п.

10. Впрочем, третье предположение не отменяет первые два.

щих высокой технической грамотностью); невозможность дозвониться до службы поддержки.

Наиболее распространенные эпитеты в адрес приложения в отрицательных отзывах¹¹: недоработанное, недоделанное, ужасное, отвратительное, глючное, отстойное, бестолковое, бесполезное, идиотское, кривое, неудобное.

Наиболее популярные слова, которыми пользователи характеризуют саму ситуацию принуждения к установке отслеживающего приложения во время болезни: издевательство, бред, ужас, дебилизм, беспредел.

Преобладающие эмоции пользователей, оставивших негативные отзывы: гнев, раздражение, обида, отвращение, беспокойство, страх.

Поведенческие реакции поднадзорных, испытывающих дискомфорт от слежки, варьируют от проявлений агрессии в адрес инициаторов и исполнителей надзора (московских властей, разработчиков приложения) до жалоб на ухудшение здоровья и параноидальную сосредоточенность на телефоне из-за опасений пропустить уведомление. Вот некоторые характерные примеры:

«Занимаетесь чернухой. Гореть вам в аду».

«Вы — технофашисты».

«Спасибо тебе, Сережа, я этой доброты и тепла никогда не забуду, остальным ***** передавай привет, с нетерпением жду выборов, да и любого другого кипиша».

«С этим приложением не сплю уже 10 дней! Могу позволить себе дремать между будильниками, которые стоят на каждый час, начиная с 9 утра! Издевательство! Я больше потеряла здоровья от этого контроля! Все хронические болячки повылазили!»

«Приходится постоянно держать телефон рядом и на громком звуке, потому что боюсь пропустить уведомление. Началась параноя, дергаюсь от каждого звука».

Распространено сравнение цифрового контроля над соблюдением самоизоляции с домашним арестом:

«Все, конечно, замечательно. Но больше похоже на тюремное заключение».

«Если честно, с этим приложением чувствуешь себя заключенным».

«Ощущение, что ты находишься под домашним арестом по уголовному делу-производству».

11. Общее количество негативных текстовых отзывов с оценкой в диапазоне от 1 до 3 звезд составило 596 сообщений. Еще 44 отзыва с 4 и 5 звездами также могут быть отнесены к негативным, поскольку в них пользователи либо активно критикуют приложение, либо высокая оценка является частью неприкрыто саркастического комментария. Примером может служить следующий отзыв с оценкой 5 звезд: «Спасибо за чудесное приложение! С каждой проверкой становится легче. Добавьте, пожалуйста, еще проверку по голосу, чтобы нужно было вставать и громко называть фамилию, диагноз и срок карантина. Заранее спасибо!»

Популярно предположение, согласно которому приложение было разработано для того, чтобы пополнить городской бюджет при помощи произвольного назначения штрафов. Некоторые пользователи обещают обратиться в суд, предупреждая власти и разработчиков, что осуществляют контрнаблюдение за их действиями при помощи записи разговоров со службой поддержки, скриншотов и иных способов сбора информации.

В отдельных отзывах описываются или даются рекомендации по обходу надзора. В частности, один из пользователей рассказывает, как его знакомый обошел мониторинг при помощи установки приложения fake GPS location, позволяющего передавать данные о фиктивном местоположении. Другой рекомендует различными способами оттягивать установку приложения (жалуясь на непонимание процесса установки, неисправность телефона, отсутствие интернета или поломку роутера) до окончания срока самоизоляции.

Многие пользователи хорошо осознают действующую в отношении них «презумпцию виновности», что вызывает у них объяснимое отторжение. Вот несколько характерных высказываний:

«Как на корову повесили колокольчик! Мерзко!!! Почему я должен доказывать, что я ничего не нарушаю... в Конституции написано, что до решения суда любой человек невиновен».

«Сидишь дома, а тебя считают виноватым и нарушителем».

«Презумпция невинности не действует».

Возмущение поднадзорных получило отражение в СМИ: вскоре после запуска «Социального мониторинга» в прессе появилось множество сообщений, рассказывавших об опыте жителей столицы, помещенных на карантин под наблюдением (см., например: Дергачева, 2020; Самоделова, 2020; Сунцова, 2020). В Facebook была создана группа «Оштрафованы за то, что заболели», к середине января 2022 года насчитывавшая почти 18 тыс. участников. К критике отслеживающего приложения присоединились члены Совета по правам человека (Верховский, 2020; Старикова, Воронов, Рожкова, 2020) и представители правозащитных организаций (среди прочих Елена Панфилова и Павел Чиков [Новые известия, 2020а, 2020б]), а также некоторые политики (в т. ч. вице-спикер Государственной думы Игорь Лебедев, глава ЛДПР Владимир Жириновский, депутат Мосгордумы от партии КПФР Елена Янчук [Вяткина, 2020; REGNUM, 2020; КПФ, 2020]). Центр антикоррупционной политики партии «Яблоко» обратился в московское отделение Следственного комитета с требованием проверить ГКУ «Информационный город» на злоупотребление должностными полномочиями (Дюрягина, 2020). Впрочем, широкий общественный резонанс не привел к отмене требований об установке «Социального мониторинга» и не остановил разработку сходных проектов по обеспечению надзора за другими категориями населения.

Мигранты: надзор в режиме реального времени

Очередной группой, в отношении которой будет применена исследуемая надзорная технология, должны стать мигранты. В уже упомянутом законопроекте «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» для иностранцев предусмотрен всеобъемлющий цифровой надзор «в реальном времени». Осуществлению такого надзора должна способствовать выдача иностранным гражданам документа, удостоверяющего личность, с электронным носителем информации, регистрация на портале Госуслуг и установка специального приложения на телефон. При этом предполагаемый контроль должен варьироваться от ненавязчивого и рутинного до высокоинвазивного. Последний предусмотрен для иностранцев, помещенных в режим контролируемого пребывания, имеющий высокое сходство с режимом контролируемой самоизоляции для жителей Москвы, инфицированных COVID-19. Наиболее очевидная итерация: прописанная в законопроекте обязанность иностранцев, находящихся в режиме контролируемого пребывания, делать селфи и направлять их в надзорные органы. Таким образом, рассматриваемая надзорная технология вновь должна выйти за пределы своего применения.

Надо сказать, что причины, по которым иностранец может быть помещен в режим контролируемого пребывания, весьма разнообразны: от официального решения о высылке из России, отказа в предоставлении убежища и противоправной деятельности до неуплаты налога на доходы физических лиц. При этом в последнем случае, насколько можно судить по тексту законопроекта¹², установление режима контролируемого пребывания осуществляется электронной системой автоматически, без принятия отдельного решения. О механизмах оспаривания помещения в режим контролируемого пребывания (в т. ч. в результате возможных сбоев в работе системы) законопроект умалчивает. Интересно, что решение о высылке может приниматься как за совершение административных правонарушений, так и в отсутствие таковых, в «целях защиты конституционно значимых ценностей (основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства)» (Проект., 2021: 121). Это наделяет контролирующие органы широкими дискреционными полномочиями, открывая возможность для произвольной высылки иностранцев.

Иностранный гражданин, в отношении которого установлен режим контролируемого пребывания, лишается права на свободу передвижения (ему запрещается «изменять место пребывания в Российской Федерации по собственному желанию» [Там же: 119]) и на неприкосновенность частной жизни. Территориальный орган МВД, установивший режим контролируемого пребывания, получает возможность «выставлять сигналы в государственной информационной системе» (Там же: 120), свидетельствующие об особом режиме, в котором находится иностранный граж-

12. См. раздел о включении иностранцев в контрольный список, п. 2 ст. 22.

данин; осуществлять проверки его места пребывания; запрашивать в медицинских организациях, где проходит лечение он или члены его семьи, информацию о действительности выданных в отношении них документов; принимать меры по установлению места нахождения контролируемого иностранного гражданина, в том числе при помощи проверок с использованием информационных систем; выездов в возможные места нахождения контролируемого иностранца; проверок «с использованием данных мобильных устройств и геолокации, платежных систем, работающих в автоматическом режиме специальных технических средств распознавания лиц, а также средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи» (Там же: 121).

Несмотря на то что режим контролируемого пребывания может устанавливаться в том числе в отношении лиц, не совершивших никаких правонарушений, законодатель обосновывает необходимость возможности установления такого режима целями предупреждения совершения иностранными гражданами новых правонарушений, обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, охраны жизни и здоровья граждан.

Социальная сортировка, надзор за опасными классами и извлечение прибыли

Резюмируя эволюцию надзорной технологии, описанную выше, можно заключить, что, будучи первоначально предназначена для контроля работодателя над работниками, она сначала переместилась из коммерческой сферы в область частно-государственного партнерства, затем была применена к больным COVID-19, после чего включена в потенциальный инструментарий надзора за иностранцами. Весь этот процесс занял около трех лет и может рассматриваться как пример того, что известно под названием «ползучести функции», или, точнее, «ползучести области» — постоянного расширения технологии на все новые объекты и сферы, в результате которого она выходит далеко за рамки того, для чего создавалась. Остается вопрос о том, почему данная технология оказалась нацелена на строителей, больных COVID-19 и (в перспективе) мигрантов?

Концепция социальной сортировки, предложенная Лионом, подчеркивающая неравномерность распределения в обществе бремени надзора, утверждает, что надзорный таргетинг определяется интересами наблюдателей. В случае надзора со стороны правоохранительных органов внимание обычно сосредоточено на тех, кто считается подозрительным (Lyon, 2009). В случае коммерческой слежки — на тех, кто способен приносить прибыль (Lyon, 2009; Danna, Gandy, 2002). В случае слежки частных лиц друг за другом — в основном на тех, кто связан с наблюдателем романтическими, родственными или дружескими узами (Andrejevic, 2004). Развивая это положение, можно добавить, что, переплетаясь, разнообразные интересы наблюдателей способны производить более сложные мотивации надзора. В частности, одна и та же группа населения может рассматриваться как подозри-

тельная и способная приносить прибыль, что повышает к ней интерес наблюдателей и увеличивает потенциальное бремя надзора.

Анализируя современный надзор, Лион указывает на то, что его постоянный рост стимулируется «актуарными планами по максимизации возможностей (маркетинговые стратегии по расширению круга целевых групп для продуктов и услуг) и по управлению рисками (например, стратегии безопасности по расширению сети подозрительных групп населения)» (Lyon, 2009: 460). Вследствие этого сегодняшний надзор в значительной степени ориентирован в будущее и основан на моделировании ситуаций, которые еще не произошли. В исследуемом кейсе это предполагаемые нарушения рабочей дисциплины строителями, влекущие за собой убытки и травмы на производстве; несоблюдение режима самоизоляции больными COVID-19, ведущее к распространению коронавирусной инфекции; нарушение законодательства и отрицание конституционно значимых ценностей мигрантами, ставящие под угрозу общественный порядок и благополучие российских граждан. Впрочем, принцип таргетинга перечисленных категорий населения все еще не вполне ясен. Если стремление к контролю над носителями коронавирусной инфекции объяснимо¹³, то нацеливание на строителей и мигрантов может вызвать удивление: очевидно, что не только строители способны нарушать рабочую дисциплину и не только мигранты могут игнорировать нормы российского законодательства или конституционно значимые ценности. Что же делает именно эти категории населения уязвимыми для интенсивного надзора?

Как неоднократно отмечали исследователи, цифровой надзор на рабочем месте тесно связан с вопросами власти и полномочий: зачастую интенсификация слежки приносит ощутимые выгоды работодателю, не улучшая положение работника, что увеличивает и закрепляет властную асимметрию в сфере труда (Ball, 2010; Rosenblat, Kneese, Boyd, 2014; Ajunwa, Crawford, Schultz, 2017; Manokha, 2020). При этом наиболее навязчивые виды надзора, как показывают исследования, чаще всего распространяются на низший персонал и сотрудников, занятых на нестабильных рабочих местах, где не действуют профсоюзы (Ball, 2010) и слабы социальные гарантии, т. е. на тех, кого обычно относят к прекариату (Standing, 2011). Хотя наиболее частым примером являются колл-центры (Bain, Taylor, 2000) или, шире, сфера услуг, в российском случае это хорошо применимо и к строительной области. Так, в коллективной монографии «Прекариат: становление нового класса» отмечается, что строители в России лидируют по показателям неформальной занятости, заключения срочных трудовых договоров продолжительностью менее одного года, систематических переработок, получения зарплаты «в конвертах» и в целом по рассчитанному авторами «коэффициенту прекарности» (Тощенко, 2020: 86–90).

13. Хотя следует признать, что граждане с признаками ОРВИ и ОРЗ, приглашаемые московскими властями к самостоятельному посещению поликлиник, также могут рассматриваться как источник повышенного риска распространения инфекции.

Выводы о precariousности рабочих мест в российской строительной сфере, по видимому, верны и для крупнейших компаний-подрядчиков строительства объектов в рамках столичной программы реновации, таких как концерн «Крост» и группа компаний «ПИК». Отзывы строителей, занятых в этих организациях, показывают, что условия их работы далеки от благополучных, несмотря на «белые зарплаты» и отсутствие серьезных задержек с выплатами. В частности, сообщается о сдельной и заниженной оплате труда, регулярных неоплачиваемых переработках, принуждении к выходу на работу в выходные и праздничные дни, грубом обращении руководства с подчиненными, необоснованных увольнений в течение одного дня, отсутствии необходимых инструментов и материалов для работы, комнат для переодевания, умывания, приема пищи¹⁴.

Следует добавить, что в своей основополагающей работе, посвященной прекариату, Г. Стэндинг характеризует прекариев как «новый опасный класс» (Standing, 2011). Концепция «опасных классов»¹⁵ также полезна для объяснения некоторых видов надзорного таргетинга. К примеру, Дидье Биго в своих исследованиях надзора за мигрантами, который он концептуализирует как бан-оптикон¹⁶, подчеркивает тот факт, что наблюдение осуществляется не за всеми иностранцами в целом, а за теми, кого можно назвать «избыточным населением», — бедными путешественниками, не входящими в категорию потенциальных потребителей и воспринимаемыми как нежелательные или опасные (Bigo, 2004).

Понятие «опасные классы» тесно связано с такими понятиями, как «низший класс», «люмпен пролетариат» и «андеркласс»: как правило, опасными признаются низшие социальные слои. Хотя одни исследователи ставят под сомнение синонимичность перечисленных терминов¹⁷, другие справедливо указывают на размы-

14. В целом оценки работников указанных компаний на популярном сайте отзывов о работодателях pravda-sotrudnikov.ru составляют 2,5 звезды (на основе 128 отзывов) и 3 звезды (на основе 142 отзывов) из 5 возможных для концерна «Крост» и ГК «ПИК» соответственно.

15. В последнее время наблюдается рост научной литературы о возрождении концепции «опасных классов», объясняющей увеличивающуюся в последние несколько десятилетий популярность алармистских дискурсов об угрожающих других (мигрантах, бедных, безработных, бездомных и т. д.) (см., например: Morris, 1994; Taylor, 1995). Данная концепция возникла почти 200 лет назад в Европе, обозначая в основном мигрантов и бродяг, а также всех тех, кто представлял собой избыточное население с нестабильной занятостью и отсутствием постоянного дохода (Taylor, 1995: 7). В России представление об «опасных классах» тоже широко распространилось в XIX столетии и, как правило, указывало на крестьян и рабочих (Pogorelov, 2016; Frank, 1994). Предполагалось, что опасность, исходящая от этих социальных страт, обусловлена их «вырождением» и «дегенерацией», связанной с миграцией крестьян в города, ростом городского пролетариата, обнищанием и общим культурным упадком (Frank, 1994; Brown, 1987).

16. Термин «бан-оптикон» образован из терминов «бан» (запрет) и «паноптикон», разработанных, соответственно, Жаном-Люком Нанси (в трактовке Джорджо Агамбена) и Мишелем Фуко.

17. В частности, Наталья Тихонова предпочитает говорить о «нижних классах» во множественном числе, выделяя «андеркласс» («низший низший класс») в особую группу, живущую на пособия и другие нетрудовые источники доходов, не стремящуюся к включению в трудовую деятельность и характеризующуюся «склонностью к девиантному поведению (алкоголизм, наркомания, сексуальная распущенность, распространенность криминальных форм поведения)» (Тихонова, 2010: 32). Что же касается прекариата, то, по мнению Н. Тихоновой, к нему следует относить только тех, кто занят

тость границ между социальными стратами. Так, Клайд Барроу в своей фундаментальной работе, посвященной понятию «люмпен-пролетариат», утверждает, что граница между люмпен-пролетариатом и пролетариатом подвижна, «поскольку элементы относительного избыточного населения и армии промышленного резерва отделяются от пролетариата из-за непрерывного изменения состава и реорганизации рабочего класса» (Barrow, 2020: 42). В результате, несмотря на постоянные попытки отделить достойные (не опасные) низшие классы от недостойных (опасных), подозрение падает на всю категорию в целом (Morris, 2002). Эту презумпцию виновности в отношении низших слоев населения хорошо описывает концепция новой пенологии, или актуарного правосудия, авторы которой подчеркивают, что тенденция последних десятилетий заключается в переходе от проблемы наказания отдельных лиц, совершивших конкретные правонарушения, к управлению совокупностями опасных групп (Feeley, Simon, 1992: 449; см. также: Garland, 2001).

Мигранты и строители (значительную часть которых также составляют мигранты и чьи рабочие места характеризуются повышенной прекарностью) представляют собой классический пример низших, или опасных, классов. В то же время больные COVID-19 являются другой классической опасной группой — разносчиков инфекции¹⁸. И те, и другие притягивают к себе внимание наблюдателей. Их присутствие порождает беспокойство и требует усиленных мер надзора. Неслучайно Gaskar Group обещает потенциальным клиентам-работодателям избавить их от всех тревог в отношении (не)добросовестности работников при помощи отслеживающих технологий; правительство Москвы заверяет горожан, что они могут быть спокойны: ведь пациенты с коронавирусом находятся под наблюдением; а разработчики законопроекта «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» уверяют россиян, что их жизнь и здоровье наряду с общественным порядком и конституционными ценностями будут надежно защищены от мигрантов при помощи режима контролируемого пребывания.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что перечисленные категории населения не полностью исключаются из общественного пространства, как это происходит в случаях, описанных Биго, или в кейсах, демонстрирующих связь надзора за наиболее обездоленными социальными группами с процессами джен-трификации¹⁹. Данное обстоятельство, вероятно, объясняется тем, что указанные

на нестабильных рабочих местах, а включение в данную категорию безработных, мигрантов или молодых стажеров, на котором настаивает Г. Стэндинг, и вслед за ним Ж. Тощенко, — неоправданно (Тихонова, 2019).

18. В частности, Йоханнес Шеу в своей работе, посвященной анализу эпистемологического страха в отношении «опасных классов», указывает на широко распространенную воображаемую связь между «преступностью» и «болезнью» (Scheu, 2011).

19. Исследования показывают, что наиболее маргинальные группы населения, такие как нищие и бездомные, зачастую подвергаются изгнанию из «благопристойных» общественных пространств (Doherty et al., 2008; Lomell, 2004). Аналогичную исключительную задачу, по мнению многих ученых, выполняют современные тюрьмы, которые постепенно утрачивают дисциплинарные функции, характерные для тюрем XIX и большей половины XX в. (Bauman, 2000; Feeley, Simon, 1992).

категории населения, в отличие от тех, о которых речь идет в упомянутых работах²⁰, не являются классическим андерклассом, состоящим из претендентов на социальные пособия, но, напротив, способны приносить прибыль наблюдателям и/или их клиентам. Строители и мигранты занимают непрестижные, малооплачиваемые, нестабильные рабочие места, непривлекательные для других работников, позволяя работодателям экономить на заработной плате и исполнении социальных обязательств, а также, в более широком плане, стимулируя развитие российской экономики²¹, в то время как больные COVID-19 служат источником пополнения столичного бюджета за счет оплаты многотысячных штрафов²². Это позволяет сделать вывод, что в рассмотренных случаях установленный за перечисленными категориями населения надзор играет классическую контролирующую роль, преследуя цели дисциплинирования поведения поднадзорных и максимизации извлекаемой выгоды.

Выводы

Возникнув как инструмент контроля работодателей над работниками, новая технология надзора довольно быстро переместилась из корпоративной сферы в область частно-государственного партнерства, а затем распространилась далеко за пределы своего первоначального применения, продемонстрировав высокую способность к тому, что называют «ползучестью функции».

Ее выход за рамки трудовых отношений сопровождался возникновением открытого сопротивления поднадзорных, выразившегося, в частности, в судебном и внесудебном оспаривании штрафных санкций, привлечении внимания СМИ, обращении к властям с требованием отмены надзора. Впрочем, большого успеха эти усилия не имели: надзорная технология продолжает действовать в отношении уже таргетированных групп, а в ближайшем будущем планируется ее распространение на новую категорию населения.

Надзор, осуществляемый при помощи исследованной технологии, нацелен в будущее и основан на моделировании предполагаемых рисков нарушений трудовой дисциплины, распространения коронавирусной инфекции, игнорирования норм российского законодательства и конституционно значимых ценностей. Таргетинг строителей, больных COVID-19 и мигрантов обусловлен представлениями об исходящей от них опасности в контексте перечисленных рисков. На первый взгляд произвольный выбор первой и третьей категории может быть объяснен с учетом результатов ранее проведенных исследований, согласно которым объектом надзорных технологий нередко становятся прекарии и другие «опасные клас-

20. В частности, трудовые мигранты, в отличие от беженцев, прекарии, в отличие от безработных.

21. Иммигранты, кроме того, позволяют частично компенсировать последствия демографического кризиса и депопуляции.

22. Некоторые аналитики предполагают, что основной причиной сохранения требования об установлении «Социального мониторинга» является получаемая городом прибыль от штрафных санкций (Новые Известия, 2020а, 2020б).

сы». Вместе с тем, в отличие от кейсов, представленных в указанных исследованиях, в рассмотренных случаях надзор не влечет за собой исключения затронутых категорий населения. По-видимому, это обстоятельство обусловлено тем, что таргетированные группы не относятся к классическому андерклассу и способны приносить прибыль наблюдателям. В итоге надзор выполняет традиционные функции дисциплинирования тех, на кого он нацелен, и максимизации извлекаемой прибыли.

Источники

- АНСБ. (2021). Столичные стройки переходят на электронный документооборот с российским ПО. URL: <http://ancb.ru/publication/read/11770> (дата доступа: 27.01.2022).
- Верховский А. (2020). Унизительный мониторинг: что не так со столичной системой слежения за больными COVID-19. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/401629-unizitelnyy-monitoring-chto-ne-tak-so-stolichnoy-sistemoy-slezheniya-za-bolnymi> (дата доступа: 27.01.2022).
- Вяткина М. (2020). Вице-спикер Госдумы: СПЧ в «деле» о московском «электронном концлагере» защищает Собянина. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/695023.html> (дата доступа: 27.01.2022).
- Дергачева А. (2020). Как здоровые люди попадают в плен «Социального мониторинга». И как из него выбраться. URL: <https://www.the-village.ru/city/situation/382297-plen> (дата доступа: 27.01.2022).
- Дударова Ф., Половинко В. (2020). Неславянский интерфейс. В Россию приходит китайская система «социального рейтинга». Первые испытания — на приезжих из СНГ. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/19/85924-plyus-tsifrovizatsiya-migrantov> (дата доступа: 27.01.2022).
- Дюрягина К. (2020). «Яблоко» потребовало от СКР проверить разработчика приложения «Социальный мониторинг». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4349287> (дата доступа: 27.01.2022).
- Каледина А. (2021). «Для перехода к общей валюте должны созреть условия». Вице-премьер Алексей Оверчук — о финансовой интеграции с Белоруссией и другими странами ЕАЭС, «Госуслугах» для мигрантов и судьбе налоговых соглашений с Нидерландами и Швейцарией. URL: <https://iz.ru/1224933/anna-kaledina/dlia-perekhoda-k-obshchei-valiute-dolzhen-sozret-usloviia> (дата доступа: 27.01.2022).
- КПРФ. (2020). Единая Россия отстранилась от народа. Мосгордума провела первое в своей истории дистанционное заседание. URL: <https://msk.kprf.ru/2020/05/27/139489/> (дата доступа: 27.01.2022).
- Новые Известия. (2020а). Павел Чиков: приложение «Социальный мониторинг» не отменили ради пополнения казны. URL: <https://newizv.ru/news/>

- society/11-06-2020/pavel-chikov-prilozhenie-sotsialnyy-monitoring-ne-otmenili-radi-popolneniya-kazny (дата доступа: 27.01.2022).
- Новые Известия. (2020б). Правозащитник: «Социальный мониторинг» создан для выкачивания денег из больных людей. URL: <https://newizv.ru/news/society/20-05-2020/pravozaschitnik-sotsialnyy-monitoring-sozdan-dlya-vykachivaniya-deneg-iz-bolnyh-lyudey> (дата доступа: 27.01.2022).
- Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 02.11.2021 № 805 «Об утверждении форм патентов, выдаваемых иностранным гражданам или лицам без гражданства, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и перечней сведений, содержащихся в указанных патентах» (Зарегистрирован 17.12.2021 № 66419). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112200003?index=7&rangeSize=1> (дата доступа: 27.01.2022).
- Проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=113698> (дата доступа: 27.01.2022).
- РИА Новости. (2020). Источник: в России могут ввести специальное приложение для мигрантов. URL: <https://ria.ru/20200529/1572150359.html> (дата доступа: 27.01.2022).
- Самоделова С. (2020). Ад «Социального мониторинга». URL: https://octagon.media/istorii/ad-socialnogo-monitoringa_.html (дата доступа: 27.01.2022).
- Старикова М., Воронов А., Рожкова Е. (2020). СПЧ ищет выход из приложения. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4356500> (дата доступа: 27.01.2022).
- Суницова Ю. (2020). «Социальный мониторинг»: как Москва издевается над запертыми в карантин больными. URL: <https://newizv.ru/news/city/14-05-2020/sotsialnyy-monitoring-kak-moskva-izdevaetsya-nad-zapertymi-v-karantin-bolnymi> (дата доступа: 27.01.2022).
- ТАСС (2020). Около 94 тыс. штрафов за нарушение режима самоизоляции выпи-сали в Москве. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9023145> (дата доступа: 27.01.2022).
- Юшков И., Беловодьев Д. (2020). Gaskar Group, чьи технологии использовались для приложения «Социальный мониторинг», связана с ВИП-кочевниками из Татарстана. URL: <https://dailystorm.ru/rassledovaniya/gaskar-group-chi-tehnologii-ispolzovalis-dlya-prilozheniya-socialnyy-monitoring-svyazana-s-vip-kochevnikami-iz-tatarstana> (дата доступа: 27.01.2022).
- Gaskar Group. (2022б). Контроль работников на строительной площадке. URL: <https://gaskar.group/ru/articles/uchet-rabocheho-vremeni-v-stroitelstve/> (дата доступа 16.02.2022).
- Gaskar Group. (2022а). Искусство контроля персонала. Современные способы контроля сотрудников. URL: <https://gaskar.group/ru/articles/control-personala> (дата доступа: 27.01.2022).
- Mos.ru. (2022). Социальный мониторинг. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/monitoring/> (дата доступа 12.02.2022).

REGNUM. (2020). Жириновский призвал отменить все штрафы «Социального мониторинга» URL: <https://regnum.ru/news/society/2963222.html> (дата доступа: 27.01.2022).

Литература

- Волкова С. В. (2019). Современные дисциплинарные техники в образовании: проблемы и перспективы // Человек. Культура. Образование. № 1. С. 6–18.
- Дудина В. И. (2018). От паноптикона к панспектрону: цифровые данные и трансформация режимов наблюдения // Социологические исследования. № 11. С. 17–26.
- Инишаков И. А. (2020). Дисциплинарная и биополитическая власть как практики управления трудом в современных российских компаниях сектора нематериального производства // Социология власти. Т. 32. № 1. С. 89–119.
- Королев С. А. (2011). Постсоветская фирма как микросоциум власти // Россия и современный мир. № 3. С. 69–84.
- Тихонова Н. Е. (2010). Низшие классы в России (Теоретические и методологические предпосылки анализа) // Общественные науки и современность. № 4. С. 26–36.
- Тихонова Н. Е. (2019). Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. № 2. С. 167–173.
- Тощенко Ж. Т. (ред.). (2020). Прекариат: становление нового класса. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Фуко М. (1999). Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem.
- Ajunwa I., Crawford K., Schultz J. (2017). Limitless Worker Surveillance // California Law Review. Vol. 105. № 3. P. 735–776.
- Andrejevic M. (2004). The Work of Watching One Another: Lateral Surveillance, Risk, and Governance // Surveillance & Society. Vol. 2. № 4. P. 479–497.
- Bain P., Taylor P. (2000). Entrapped by the «Electronic Panopticon»? Worker Resistance in the Call Centre // New Technology, Work and Employment. Vol. 15. № 1. P. 2–18.
- Ball K. (2010). Workplace Surveillance: An Overview // Labor History. Vol. 51. № 1. P. 87–106.
- Barrow C. W. (2020). The Dangerous Class: The Concept of the Lumpenproletariat. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bauman Z. (2000). Social Issues of Law and Order // British Journal of Criminology. Vol. 40. № 2. P. 205–221.
- Bigo D. (2004). Criminalization of «Migrants»: The Side Effect of the Will to Control the Frontiers and the Sovereign Illusion // Bogusz B., Cholewiński R., Cygan A., Szyszczak E. (eds.). Irregular Migration and Human Rights: Theoretical, European and International Perspective. Leiden: Martinus Nijhoff. P. 90–127.

- Bigo D.* (2008). Globalized (In)security: The Field and the Ban-opticon // *Bigo D., Tsoukala A.* (eds.). *Terror, Insecurity and Liberty Illiberal Practices of Liberal Regimes after 9/11*. L.: Routledge. P. 20–58.
- Bigo D.* (2009). Du panoptisme au Ban-optisme: les micros logiques du contrôle dans la mondialisation // *Chardel P.-A., Rockhill G.* (eds.). *Technologies de contrôle dans la mondialisation: enjeux politiques, éthiques et esthétiques*. P.: Kimé. P. 59–80.
- Brown J.* (1987). Peasant Survival Strategies in Late Imperial Russia: The Social Uses of the Mental Hospital // *Social Problems*. Vol. 34. № 4. P. 311–329.
- Danna A., Gandy Jr. O. H.* (2002). All That Glitters is Not Gold: Digging Beneath the Surface of Data Mining // *Journal of Business Ethics*. № 40. P. 373–386.
- Doherty J., Busch-Geertsema V., Karpuskiene V., Korhonen J., O'Sullivan E., Sahlin I., Tosi A., Petrillo A., Wygnańska J.* (2008). Homelessness and Exclusion: Regulating public space in European Cities // *Surveillance & Society*. Vol. 5. № 3. P. 290–314.
- Dupont B.* (2008). Hacking the Panopticon: Distributed Online Surveillance and Resistance // *Sociology of Crime Law and Deviance*. Vol. 10. P. 259–280.
- Feeley M. M., Simon J.* (1992). The New Penology: Notes on the Emerging Strategy of Corrections and Its Implications // *Criminology*. Vol. 30. № 4. P. 449 — 474.
- Flaherty D.* (1988). The Emergence of Surveillance Societies in the Western World: Toward the Year 2000 // *Government Information Quarterly*. Vol. 5. №. 4. P. 377–387.
- Frank S. P.* (1994). Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siecle Russia // *Frank S. P., Steinberg M. D.* (eds.). *Cultures in Flux.: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press. P. 74–107.
- Fuchs C.* (2011). How Can Surveillance Be Defined? // *MATRIZES*. Vol. 5. № 1. P. 109–133.
- Gandy Jr. O. H.* (1987). The Surveillance Society: Information Technology and Bureaucratic Social Control // *Journal of Communication*. Vol. 39. № 3. P. 61–76.
- Garland D.* (2001). *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Giddens A.* (1990). *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Haggerty K. D.* (2006). Tear Down the Walls on Demolishing the Panopticon // *Lyon D.* (eds.). *Theorising Surveillance: The Panopticon and Beyond*. Uffculme: Willan Publishing. P. 23–45.
- Haggerty K. D., Ericson R. V.* (2000). The Surveillant Assemblage // *British Journal of Sociology*. Vol. 51. № 4. P. 605–622.
- Lomell H. M.* (2004). Targeting the Unwanted: Video Surveillance and Categorical Exclusion in Oslo, Norway // *Surveillance & Society*. Vol. 2. № 2/3. P. 346–360.
- Lyon D.* (2002). Surveillance Studies: Understanding Visibility, Mobility and the PheneticFfix // *Surveillance & Society*. Vol. 1. № 1. P. 1–7.
- Lyon D.* (2009). Surveillance, Power, and Everyday Life // *Avgerou C., Mansell R., Quah D., Silverstone R.* (eds.). *The Oxford Handbook of Information and Communication Technologies*. N. Y.: Oxford University Press. P. 449–472.

- Marx G. T.* (2015). Surveillance Studies // *Wright J. D.* (ed.). International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. 2nd ed. Vol. 23. Amsterdam: Elsevier. P. 733–741.
- Marx G. T., Muschert G. W.* (2007). Personal Information, Borders, and the New Surveillance Studies // *Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 3. P. 375–395.
- Marx G. T.* (1985). The Surveillance Society: The Threat of 1984-Style Techniques // *The Futurist*. June 6. P. 21–26.
- Mathiesen T.* (1997). The Viewer Society: Michel Foucault's «Panopticon» Revisited // *Theoretical Criminology*. Vol. 1. № 2. P. 215–232.
- Morris L.* (1994). *Dangerous Classes: The Underclass and Social Citizenship*. London: Routledge.
- Pogorelov M.* (2016). Degeneration and «Socially Dangerous» in Late Imperial Russia Psychiatry. HSE Basic Research Program Working Papers. Series: Humanities WP BRP 139/HUM/2016.
- Rosenblat A., Kneese T., Boyd D.* (2014). Workplace Surveillance // Open Society Foundations' Future of Work Commissioned Research Papers 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2536605> (дата доступа: 27.01.2022).
- Rule J. B., McAdam D., Stearns L., Uglow D.* (1983). Documentary Identification and Mass Surveillance in the United States // *Social Problems*. Vol. 31. № 2. P. 222–234.
- Scheu J.* (2011). Dangerous Classes: Tracing Back an Epistemological Fear // *Distinktion*. Vol. 12. № 2. P. 115–134.
- SSN and SurveillanceStudies.org (2015). Mapping Surveillance Studies. URL: <https://www.surveillance-studies.net/?p=1122> (дата доступа 12.02.2022).
- Standing G.* (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. L.: Bloomsbury Academic.
- Taylor J. M.* (1995). The Resurrection of the «Dangerous Classes» // *Journal of Prisoners on Prisons*. Vol. 6. № 2. P. 7–16.
- Tran S. V.-T., Nguyen T. L., Chi H.-L., Lee D., Park C.* (2022). Generative Planning for Construction Safety Surveillance Camera Installation in 4D BIM Environment // *Automation in Construction*. Vol. 134. Art. 104103.
- Westin A. F.* (1952). The Wire-Tapping Problem: An Analysis and a Legislative Proposal // *Columbia Law Review*. Vol. 52. № 2. P. 165–208.
- Westin A. F.* (2003). Social and Political Dimensions of Privacy // *Journal of Social Issues*. Vol. 59. № 2. P. 431–453.
- Wood D. M.* (2012). Beyond the Panopticon? Foucault and Surveillance Studies // *Crampton J., Elden S.* (eds.). *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography?* Aldershot: Ashgate. P. 245–263.

Surveillance of Migrants, Construction Workers and Patients under COVID-19: New Technologies on Guard of “Dangerous Classes”

Kseniya Grigorieva

Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Address: Krzhizhanovskogo str. 24/35, k. 5, Moscow, Russian Federation 117218

E-mail: kseniagroryeva@yandex.ru

Surveillance research is more than seven decades old, but this area has not yet attracted the attention of the scientific community in Russia. At the same time, surveillance technologies in the country are developing rapidly, having a significant impact on social processes and relations. This article seeks to contribute to the Russian academic discourse on surveillance. It focuses on a particular surveillance technology that, while originally aimed at the commercial realm, has moved into the realm of public–private partnerships and has rapidly evolved beyond what it was designed for. The concept of social sorting proposed by David Lyon is chosen as the main theoretical approach for the analysis of the empirical material. It also uses Guy Standing’s concept of the precariat, and Malcolm M. Feely and Jonathan Simon’s concept of the new penology. It is concluded that the studied surveillance technology is focused on preventing risky situations that may occur in the future (violations of labor discipline, the spread of coronavirus infection, or the non-compliance with Russian legislation and ignoring constitutionally significant values). Surveillance-targeting is driven by perceptions of a heightened risk posed by a range of populations in the context of these situations, and can be explained by referring to the concept of “dangerous classes”. Unlike the results obtained in a number of other works, this study shows that the surveillance technology considered does not lead to the complete exclusion of targeted categories of the population from the social space while performing the traditional function of disciplining the supervised and maximizing profits.

Keywords: surveillance technologies, social sorting, dangerous classes, migrants, construction workers, patients with COVID-19

References

- Ajunwa I., Crawford K., Schultz J. (2017) Limitless Worker Surveillance. *California Law Review*, vol. 105, no 3, pp. 735–776.
- Andrejevic M. (2004) The Work of Watching One Another: Lateral Surveillance, Risk, and Governance. *Surveillance & Society*, vol. 2, no 4, pp. 479–497.
- Bain P., Taylor P. (2000) Entrapped by the “Electronic Panopticon”? Worker Resistance in the Call Centre. *New Technology, Work and Employment*, vol. 15, no 1, pp. 2–18.
- Ball K. (2010) Workplace Surveillance: An Overview. *Labor History*, vol. 51, no 1, pp. 87–106.
- Barrow C. W. (2020) *The Dangerous Class: The Concept of the Lumpenproletariat*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bauman Z. (2000) Social Issues of Law and Order. *British Journal of Criminology*, vol. 40, no 2, pp. 205–221.
- Bigo D (2008) Globalized (In)security: The Field and the Ban-opticon. *Terror, Insecurity and Liberty Illiberal Practices of Liberal Regimes after 9/11* (eds. D. Bigo, A. Tsoukala), London: Routledge, pp. 20–58.
- Bigo D. (2004) Criminalization of “Migrants”: The Side Effect of the Will to Control the Frontiers and the Sovereign Illusion. *Irregular Migration and Human Rights: Theoretical, European and International Perspective* (eds. B. Bogusz, R. Cholewiński, A. Cygan, E. Szyrzkaczak), Leiden: Martinus Nijhoff, pp. 90–127.

- Bigo D. (2009) Du panoptisme au Ban-optisme: les micros logiques du contrôle dans la mondialisation. *Technologies de contrôle dans la mondialisation: enjeux politiques, éthiques et esthétiques* (eds. P.-A. Chardel, G. Rockhill), Paris: Kimé, pp. 59–80.
- Brown J. (1987) Peasant Survival Strategies in Late Imperial Russia: The Social Uses of the Mental Hospital. *Social Problems*, vol. 34, no 4, pp. 311–329.
- Danna A., Gandy, Jr, O. H. (2002) All That Glitters is Not Gold: Digging Beneath the Surface of Data Mining. *Journal of Business Ethics*, no 40, pp. 373–386.
- Doherty J., Busch-Geertsema V., Karpuskiene V., Korhonen J., O’Sullivan E., Sahlin I., Tosi A., Petrillo A., Wygnańska J. (2008) Homelessness and Exclusion: Regulating Public Space in European Cities. *Surveillance & Society*, vol. 5, no 3, pp. 290–314.
- Dudina V. (2018) Ot panoptikona k panspektronu: tsifrovyye dannyye i transformatsiya rezhimov nablyudeniya [From Panopticon to Panspectron: Digital Data and Transformation of Surveillance Regimes]. *Sociological Studies*, no 11, pp. 17–26.
- Dupont B. (2008) Hacking the Panopticon: Distributed Online Surveillance and Resistance. *Sociology of Crime Law and Deviance*, vol. 10, pp. 259–280.
- Feeley M. M., Simon J. (1992) The New Penology: Notes on the Emerging Strategy of Corrections and Its Implications. *Criminology*, vol. 30, no 4, pp. 449–474.
- Flaherty D. (1988) The Emergence of Surveillance Societies in the Western World: Toward the Year 2000. *Government Information Quarterly*, vol. 5, no 4, pp. 377–387.
- Frank S. P. (1994) Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siècle Russia. *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia* (eds. S. P. Frank, M. D. Steinberg), Princeton: Princeton University Press, pp. 74–107.
- Fuchs C. (2011) How Can Surveillance Be Defined? *MATRIZes*, vol. 5, no 1, pp. 109–133.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tjur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem.
- Gandy Jr. O. H. (1987) The Surveillance Society: Information Technology and Bureaucratic Social Control. *Journal of Communication*, vol. 39, no 3, pp. 61–76.
- Garland D. (2001) *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society*, Chicago: University of Chicago Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Haggerty K. D. (2006) Tear Down the Walls on Demolishing the Panopticon. *Theorising Surveillance: The Panopticon and Beyond* (ed. D. Lyon), Uffculme: Willan Publishing, pp. 23–45.
- Haggerty K. D., Ericson R. V. (2000) The Surveillant Assemblage. *British Journal of Sociology*, vol. 51, no 4, pp. 605–622.
- Inshakov I. (2020) Distitsiplinarnaya i biopoliticheskaya vlast' kak praktiki upravleniya trudom v sovremennykh rossiyskikh kompaniyakh sektora nematerial'no-go proizvodstva [Disciplinary and Biopolitical Power as Practices of Labor Management in Contemporary Russian Companies of Immaterial Production]. *Sociology of Power*, vol. 32, no 1, pp. 89–119.
- Korolev S. (2011) Postsovetskaya firma kak mikrosotsium vlasti [Post-Soviet Firm as a Microsociety of Power]. *Russia and the Contemporary World*, no 3, pp. 69–84.
- Lomell H. M. (2004) Targeting the Unwanted: Video Surveillance and Categorical Exclusion in Oslo, Norway. *Surveillance & Society*, vol. 2, no 2/3, pp. 346–360.
- Lyon D. (2002) Surveillance Studies: Understanding Visibility, Mobility and the Phenetic Ffix. *Surveillance & Society*, vol. 1, no 1, pp. 1–7.
- Lyon D. (2009) Surveillance, Power, and Everyday Life. *The Oxford Handbook of Information and Communication Technologies* (eds. C. Avgerou, R. Mansell, D. Quah, R. Silverstone), New York: Oxford University Press, pp. 449–472.
- Marx G. T. (2015) Surveillance Studies. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, Vol. 23 (ed. J. D. Wright), Amsterdam: Elsevier, pp. 733–741.
- Marx G. T., Muschert G. W. (2007) Personal Information, Borders, and the New Surveillance Studies. *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 3, pp. 375–395.
- Marx G. T. (1985) The Surveillance Society: The Threat of 1984-Style Techniques. *The Futurist*, June 6, pp. 21–26.

- Mathiesen T. (1997) The Viewer Society: Michel Foucault's "Panopticon" Revisited. *Theoretical Criminology*, vol. 1, no 2, pp. 215–232.
- Morris L. (1994) *Dangerous Classes: The Underclass and Social Citizenship*, London: Routledge.
- Pogorelov M. (2016) Degeneration and "Socially Dangerous" in Late Imperial Russia Psychiatry. HSE Basic Research Program Working Papers. Series: Humanities WP BRP 139/HUM/2016.
- Rosenblat A., Kneese T., Boyd D. (2014) Workplace Surveillance. Open Society Foundations' Future of Work Commissioned Research Papers 2014. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2536605> (accessed 20 January 2022).
- Rule J. B., McAdam D., Stearns L., Uglow D. (1983) Documentary Identification and Mass Surveillance in the United States. *Social Problems*, vol. 31, no 2, pp. 222–234.
- Scheu J. (2011) Dangerous Classes: Tracing Back an Epistemological Fear. *Distinktion*, vol. 12, no 2, pp. 115–134.
- SSN and SurveillanceStudies.org (2015). Mapping Surveillance Studies. Available at: <https://www.surveillance-studies.net/?p=1122> (accessed 12 February 02.2022).
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, London: Bloomsbury Academic.
- Taylor J. M. (1995) The Resurrection of the "Dangerous Classes". *Journal of Prisoners on Prisons*, vol. 6, no 2, pp. 7–16.
- Tikhonova N. (2010) Nizshie klassy v Rossii (Teoreticheskie i metodologicheskie predposylki analiza) [The Lower Classes in Russia (Theoretical and Methodological Background of the Analysis)]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 4, pp. 26–36.
- Tikhonova N. (2019) Prekariat i perspektivy izmenenija social'noj struktury rossijskogo obshhestva [Precariat and Prospects for Changes in Russian Society Social Structure]. *Sociological Studies*, no 2, pp. 167–173.
- Toshhenko Zh. (ed.) (2020) *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: The Formation of a New Class], Moscow: Centr social'nogo prognozirovanija i marketinga.
- Tran S. V.-T., Nguyen T. L., Chi H.-L., Lee D., Park C. (2022) Generative Planning for Construction Safety Surveillance Camera Installation in 4D BIM Environment. *Automation in Construction*, vol. 134, art. 104103.
- Volkova S. (2019) Sovremennyye distsiplinarnyye tekhniki v obrazovanii: problemy i perspektivy [Modern Disciplinary Techniques in Education: Problems and Prospects]. *Human. Culture. Education*, no 1, pp. 6–18.
- Westin A. F. (1952) The Wire-Tapping Problem: An Analysis and a Legislative Proposal. *Columbia Law Review*, vol. 52, no 2, pp. 165–208.
- Westin A. F. (2003) Social and Political Dimensions of Privacy. *Journal of Social Issues*, vol. 59, no 2, pp. 431–453.
- Wood D. M. (2012) Beyond the Panopticon? Foucault and Surveillance Studies. *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography?* (eds. J. Crampton, S. Elden), Aldershot: Ashgate, pp. 245–263.